

Владимир Дэс

Нрыжок

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Дэс

Прыжок (сборник)

«Автор»

Дэс В.

Прыжок (сборник) / В. Дэс — «Автор»,

В данный сборник вошли рассказы: 1. Прыжок 2. Это Дедушка Мороз
Красный Нос 3. Квадрат Малевича 4. Блиновский рынок 5. Везде, всегда,
во всём 6. Гений 7. Инстинкт – инвалид 8. События века 9. Сценарий
будущего 10. Уроки истории 11. Чтиво 12. Меценаты – люди особенные 13. Как
я не мог понять 14. Юбилейные пятна

© Дэс В.

© Автор

Содержание

Прыжок	5
Это Дедушка Мороз Красный Нос	10
Квадрат Малевича	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Дэс

Прыжок (сборник)

Прыжок

Жизнь у меня в последние несколько лет была такая замотанная, что я даже перестал понимать, зачем живу.

Сплошные переезды, перелеты, встречи, конференции, контракты, факсы, телексы; кругом не друзья, а партнеры, не обеды, а фуршеты.

Порой мне даже мерещилось, что это и не я живу в этом бешеном мире, а только мое тело как отдельная сущность, к тому же принадлежащая не мне, а какому-то сообществу людей, объединенных общим названием «мировой бизнес».

Попав во власть этого загадочного монстра, люди забывают, что помимо бирж и процентов на свете есть лес, а в лесу – поляна с ежевикой, есть река, а в ней – сопливые пескарики; что день состоит из восьмидесяти шести тысяч четырехсот секунд, а не из единого мига между утренней и вечерней котировкой акций, что женщины – не только роботизированные комплектующие пишущих машинок, но еще и нежные создания с бархатной кожей, которую можно ласкать и испытывать при этом не меньшее удовольствие, чем от положительного сальдо баланса, составленного, кстати сказать, этим же эфирным созданием.

Прочитав это, вы, наверное, подумали: «И откуда у этого бедняги такие идиотские думки о пескариках, полянках и дамочках? Не свихнулся ли он часом? Не сообщить ли об этих причудах в его центральный офис на предмет скорейшего собеседования с психиатром. Пусть-ка ему мозги поправят».

Что до мозгов, тут, пожалуй, в самую точку. С мозгами у меня и вправду не все в порядке. В том смысле, что сейчас они у меня не в том порядке, в каком были раньше.

А раньше – это до моего последнего прыжка.

Когда-то, лет двадцать назад, в той далекой и уже, кажется, не совсем моей жизни, я, как и многие, увлекался спортом.

Нравилось мне прыгать с парашютом.

Напрыгал я не много, но и не мало – за сотню прыжков. С разных высот и с разными элементами сложности. Хватало и затяжных прыжков.

Но этот мой недавний прыжок стал, можно сказать, рекордным. Вряд ли кто-то еще в нашем мире совершал такие.

Впрочем, расскажу все по порядку.

Я улетал из Голландии после очень тяжелых переговоров на предмет заключения долгосрочного контракта по поставке голландских цветочных луковиц для приготовления деликатесных блюд, подаваемых в элитных ночных клубах.

Переговоры были долгими, нудными и каверзными.

Мне кое-как удалось склонить партнеров на определение основных точек в программной линии наших совместных инвестиционных вложений.

Этого было достаточно.

Теперь они и сами не заметят, как по уши залезут в болото контрактносколастического словоблудия, а там их уже поджидают мои специалисты по доведению этих основных точек определенной программной линии до логического конца, выгодного моей компании, специа-

листы такие, что, связавшись с ними, сам черт не заметит, как станет ангелом, а ангел, соответственно, чертом.

В общем, оставил я свою команду доводить этот контракт до ума и рванул в аэропорт Амстердама.

В Москве меня ждал аукцион по продаже четырнадцати тросов Останкинской телевизионной башни.

Машина гнала, как безумная.

Я опаздывал.

По телефону связались со службой сервиса авиакомпании «Пан Америкэн», на разных тональностях требуя задержать рейс.

Влетели в аэропорт.

Я чуть не протаранил самооткрывающиеся двери.

Состоялся блиц-скандал.

Но автобус подали.

Короче говоря, я успел.

Правда, место мое уже заняли, и мне досталось одно-единственное свободное – в самом хвосте самолета, у туалета. Но тут скандалить я уже не стал – мне важно было успеть на аукцион.

В Останкинской телевизионной башне меняли крепежные тросы.

Тросы были из особой стали. Кое-кто готов был заплатить за эту марку стали приличные деньги.

Наша фирма взялась представлять в Москве, на этом аукционе, интересы этих кое-кого.

Деньги под это были уже получены и уже ушли в Австралию на закупку земельных участков в центральной австралийской пустыне, где, по предсказанию Ури Геллера, через восемьсот лет образуется нефтяное море.

Сел я в кресло. Пристегнулся. Попросил чашку чая с ликером «Беллесс». Потом попросил байковое одеяло и заснул, рассчитывая проснуться только в аэропорту «Шереметьево-2», где меня должна была ждать машина с мигалкой и парой бутербродов.

Я сладко дремал, разморенный изрядной чайной порцией ликера.

Мне снилась Лондонская биржа.

Катастрофическое падение стоимости унции золота.

Паника в швейцарских банках.

Обвал, переходящий в страшный скрежет обеспеченных золотом акций итальянских ювелирных заводов.

От этого мне во сне стало страшно, и я открыл глаза, плохо еще соображая, где нахожусь.

Я был в самолете, но его трясло, как в лихорадке, даже посильнее, чем Лондонскую биржу в моем сонном кошмаре.

Перед глазами мельтешили стюардессы, пилоты и пассажиры в истерике, а сам самолет летел почему-то не прямо, а круто пикировал.

При этом моторы завывали, как добрая сотня разорившихся банкиров – натужно и обреченно.

Я несколько раз закрывал и открывал глаза, в глубине души еще надеясь, что эта сумасшедшая свистопляска – лишь продолжение моего сна, не менее сумасшедшего.

Но толку от этих моих жмурок было ни на грош.

Самолет вдруг затрясся еще сильнее и резко перешел в совсем уж отвесное падение.

Я застыл от ужаса, не в силах сообразить, что же мне теперь делать.

На всякий случай выглянул в иллюминатор. Лучше бы не выглядывал. Солнце яркое. Небо чистое. А навстречу нам с бешеной скоростью несется земля.

Не успел я помянуть хорошими словами Создателя, как на моих глазах правое крыло отвалилось со страшным визгом и скрежетом, и самолет охватило рваное голубое пламя.

В ту же секунду что-то треснуло прямо подо мною, и хвост, отломившись вместе с моим креслом от остального фюзеляжа, подпрыгнул вверх и бешеной юлой закрутился в ледяном вихревом потоке.

Через долю секунды меня вместе с креслом выдрало из взбесившегося хвоста, и я, как обезумевший камикадзе, понесся уже в кресле следом за самолетом, навстречу неминуемой гибели.

Сознание все не врубалось, но зрение и слух успели отметить чудовищную вспышку левее и ниже меня, затем мощная взрывная волна ударила по моей примитивной катапульте, как бы оповещающая: самолету амба, – и я влетел в круговерть алюминиевых клочьев, липкого мяса и горелой пластмассы.

Спасибо креслу – оно помогло мне пролететь этот хаос почти невредимым. Вскоре я понял, что обломки остались позади, и отстегнулся от него.

Вот тут-то я и запричитал: «За что, Господи? Почему именно я и без парашюта?» – хотя все было как в те далекие молодые годы, когда я – только с парашютом за плечами – летел в свободном падении навстречу земле.

Правда, тогда мне петь хотелось, а сейчас – плакать.

Но мозг, вне зависимости от подавленного состояния души и телесной дрожи, сам начал автоматический хронометраж высоты в секундах. А секунда у нас, парашютистов, отсчитывается словом «пятьсот».

501, 502, 503...

Я прикинул опытным взглядом: до встречи моего тела с землей осталось секунд восемьдесят-девянсто – значит, около пяти тысяч метров.

Вспомнил: в падении прежде всего надо удерживать тело параллельно земле.

...504, 505, 506...

Та-ак, кажется, получилось.

Небо чистое.

Вся земля как на ладони.

...523, 524, 525...

Глазам больно.

Пиджак, галстук – к черту.

Куда летим?

Кругом поля – квадратики, треугольнички, прямоугольнички.

...536, 537, 538...

Ага, вот и приличное озеро прямо по курсу.

...542, 543, 544...

Используя навыки свободного падения, осторожненько корректирую скольжение своего тела к этому озерку.

Все же лучше падать в воду, чем на поле, пусть даже заботливо кем-то вспаханное.

...558, 559, 560...

Ну вот! Оказывается, ошибочка: времени у меня еще меньше, и до середины озера мне не дотянуть.

...565, 566...

Ого, уже все! Вон как стремительно водичка мчится навстречу.

Что ж, руками хороним лицо.

Солдатиком!

Может, здесь и с краю глубоко.

...569!!!

Со страшной скоростью я влетел в воду.

Доля секунды – и я вонзился выше колен в илистое дно.

Слава Богу, успел глотнуть прилично воздуха, а то ведь чуть не задохнулся, пока выдираю ноги из вязкого ила.

Наконец вынырнул, хоть и полуживой.

Еле-еле доплыл до берега.

Уже на карачках выполз на пологий склон, упал ничком и лишился сознания.

Очнувшись я от щекотки в носу.

Поморщился, чихнул, открыл глаза.

Пошевелиться не было сил.

Прямо передо мной сидела на корточках маленькая девочка в золотых кудряшках, похожая на Ангела.

«Уже в раю», – подумал я и блаженно зажмурился, чтобы хоть немного подготовить себя к райской жизни.

Но через секунду у меня в носу снова защекотало.

Я еще раз чихнул и опять открыл глаза.

Но вокруг был не рай, и ангелом в кудряшках оказалась обыкновенная девчонка лет семи, которая былинкой щекотала мне нос и заливалась счастливым смехом – очевидно, ее потешала моя идиотская блаженная мимика.

В другой руке она держала веревку, на которой была привязана коза, и та поминутно дергала это маленькое жизнерадостное создание.

Я приподнял голову и повернулся на бок.

Тело, похоже, уцелело, но ныло, как после жерновов.

Едва я пошевелился, златовласая проказница отскочила за свою козу и стала наблюдать за мной оттуда.

А я смиренно лежал на боку. Встать просто не было сил.

Да и не хотелось.

Озеро, коза, поле... Словно я вдруг вернулся в свое деревенское детство.

Так прошло минут пять.

Девочка, осмелев, снова подошла ко мне, держа уже козу за рога.

Видя, что я не двигаюсь, она опять осторожно присела рядом и спросила:

– Вы кто, пан?

– Я? Я парашютист.

– А где ест ваш спадокрон?

Я посмотрел на ее веселенькое личико и совершенно серьезно ответил:

– В самолете забыл.

Она вначале удивилась, а потом приставила свой маленький грязный пальчик к своему виску и покрутила им туда-сюда.

И столько в ее взгляде было жалости и сочувствия ко мне, что я смутился и, не зная, что еще сказать, погладил ее по золотым кудряшкам.

И опять закрыл глаза.

«Что со мной?

Почему я не радуюсь чудесному, невероятному спасению?

Почему я не хохочу от счастья, как сумасшедший?

Почему не пляшу, не катаюсь по берегу от полноты жизни?

Моей замотанной жизни!

А точно ли моя она была, та жизнь?

Зачем Господь, до последнего продержав меня на переговорах, потом все-таки допустил в обреченный самолет?

А определив в самолет, который неминуемо должен был взорваться, выбрал для меня то самое кресло, которому единственному предстояло уцелеть в катастрофе.

Почему он не дал разорвать меня на куски на высоте пять тысяч метров, а отправил меня на встречу с землей в свободном падении, безо всяких, впрочем, шансов на спасение?!

И зачем Он, Создатель всего живого и Вершитель всего, что дееется, простер на финише моего безумного полета это озеро?

Зачем, с какой потаенной целью Он в последний миг передумал и отвел от меня неминуемую смерть, собрав мою волю в кулак, до нечеловеческого хладнокровия?

Почему?

Для чего?

Какую миссию Он мне предназначил?»

От этих фаталистических мыслей меня вдруг отвлек мой маленький любопытный ангел – она вручную стала открывать мне глаза, не дождавшись этого решительного шага от меня.

Когда наши, уже совместные, усилия снова открыли моему взору наш прекрасный и добрый мир, моя милая проказница спросила:

– Пане спадохронье, вы козу доиць умеете? Я хце млека.

Я посмотрел на козу, общипывающую сочный польский лопух, на ее налитое вымя, на ангела с большой кружкой, и тут меня словно прострелило:

«Неужели Создатель спас меня только для того, чтобы я подоил козу и напоил молоком это чудное создание? Неужели именно для этого?»

Ведь голову даю на отсечение – никто из пассажиров того самолета не умел доить козу!

Кроме меня. Я-то в детстве доил бабушкиных коз чуть ли не каждый день.

И я ответил, посмотрев в голубые детские глаза:

– Умею, мой ангел...

И, взяв из ее маленьких ладошек посудину, пополз к козе – исполнять свою миссию.

Воистину неисповедимы пути твои, Господи!

Это Дедушка Мороз Красный Нос

Я часто плакал в этом году, хотя папа с мамой меня очень любят.

Мне иногда даже от их любви плохо делается.

Да и не только мне, но и им самим.

Но, как они говорят, пусть им будет хуже, лишь бы их единственному чаду, то есть мне, было хорошо.

А что для меня хорошо, это могут знать только мои родители. Тут права голоса я не имею. И поэтому, хотя мне было уже семь лет и я прекрасно знал, что никакого Деда Мороза нет, мои родители решили пригласить под Новый год для их ребенка, то есть для меня, Деда Мороза. Папа сразу добавил:

– И Снегурочку.

Мама остановила его инициативу:

– Хватит и одного Деда Мороза.

Папа загрустил.

Я решил поддержать папу:

– Хочу со Снегурочкой.

Мама скривилась, но против двоих устоять не могла.

– Хорошо, пусть Дед будет с бабой.

– Ура! – захопал папа в ладоши.

– Тогда, – вдруг заявила мама, – пусть приходит поздравить малыша и Буратино.

– Какой Буратино? – переспросил папа.

– Какой Буратино? – переспросил я.

– Обыкновенный, с длинным носом.

– А, – вдруг загадочной тихо заговорил папа. – Я понял, какого Буратино ты хочешь пригласить.

Надо сказать, что папа давно ревнует маму к носатому контрабасисту из их оркестра.

– Да, какой ты проницательный, а ты думаешь, я не знаю, какую ты хочешь пригласить Снегурочку.

Надо еще вам сказать, что мама давно ревнует папу к рыжей виолончелистке. Из их же оркестра.

Успокоил их я, предложив пригласить еще и Карлсона.

Мама сразу же согласилась.

Папа поворчал немного, но, позвонив куда-то, согласился и он.

Я написал письмо Деду Морозу с просьбами привезти мне из далекой Лапландии побольше подарков. Перечень подарков занял у меня ровно три листа.

– Пиши, пиши больше, – советовала мама, глядя вызывающе на папу, – все равно бесплатно из Лапландии от Деда Мороза. А заодно подпиши и шубку твоей маме, а то десять лет хожу в одной и той же.

– Знаешь, сынок, – сказал папа. – Мне, конечно, не тяжело сходить и отнести твое письмо на почту, но что-то список уж очень длинный. А потом, причем здесь мама? Дед Мороз же приезжает к тебе, а не к маме. Хотя, – рассуждал папа, – эта идея привозить подарки и взрослым не такая уж плохая. Я, пожалуй, подпишу и пару брючных подтяжек для себя.

– Папа, у тебя ничего не получится, остановил я его. – Дед Мороз сразу же отличит твой взрослый почерк от детского. Вы же пишете так, чтобы никто ничего не понял, в отличие от нас, от детей.

– Да?

– Да.

– Ну тогда ты подпиши.

Я подписал.

Правда, после этого мама еще попросила подписать флакон французских духов, а папа – две бутылки шотландского виски. Тогда мама попросила вечерние туфли от Версаче, а папа трубку из орехового дерева. Мама...

В общем, исписав десять листков, я закончил, запечатал конверт и подписал! «Дедушке Морозу от ученика второго класса Миши Шумова».

На следующий день папа взял мое письмо и пошел на почту отсылать.

Вечером, когда мы всей семьей кушали жареную камбалу, я спросил папу:

– Ну как, папа, отослал мое письмо в Лапландию?

– Конечно, – бодро ответил папа – страшно повезло. Там, на почте, как раз сидел представитель Деда Мороза и принимал письма для своего шефа.

– Как интересно, – отметила мама.

– И знаешь, дорогая, он даже прочитал внимательно письмо нашего малыша и долго смеялся, не понимая, зачем мальчику норковая шуба, французские духи и другие дамские вещи.

– Да что ты говоришь, милый? – удивилась мама.

– Да, представляешь, дорогая, сколько я его не уговаривал, он решительно вычеркнул все то, что ты попросила вписать в трогательное письмо нашего малыша.

– Да? А шотландское виски он не вычеркнул?

– Представляешь, нет.

– И немецкое пиво тоже не вычеркнул?

– Наверное, он это просто не заметил.

– Невероятно. Какой невнимательный представитель у Деда Мороза.

Папа уже закончил кушать и, поблагодарив маму за замечательно поджаренную камбалу, поднялся и пошел смотреть телевизор. Но у самого выхода он остановился и, оглянувшись, добавил:

– А еще, сынок, тот представитель Деда Мороза сказал, что Буратино заболел и не придет к тебе под Новый год.

– Заболел? – расстроился я.

– И что же у него болит? А он не сказал, что и Снегурочка может не дожить до Нового года? – взорвалась мама.

– Представляешь, дорогая, не сказал. А она что, заболела? – заволновался папа.

– Если не заболела, то, очевидно, заболеет.

– Почему? – искренне удивились мы с папой.

– Очень просто. Заразится от заболевшего Буратино.

Папа что-то прикинул и, почесав сытый живот, сказал:

– Вообще-то я пошутил на счет Буратино-1 но, малыш. Он вполне здоров и, наверное, придет к тебе вместе с Дедом Морозом, – и, посмотрев на маму, вызывающе добавил: – и Снегурочкой.

Мама ничего не ответила. Она уже мыла посуду.

Наступил предновогодний день.

Мама с утра умчалась в парикмахерскую.

Папа, как всегда, в последний момент стал готовиться к установке в зале новогодней елки, усиленно почесывая свой затылок. Его уверения, что елка – это анахронизм языческих времен, не смогли переубедить ни маму, ни меня. И когда он стал зачитывать нам из медицинской энциклопедии выдержки о влиянии эфирных масел, выделяемых корнями, шишками

и иголками вечно-зеленых деревьев, на слюнные железы подвуда беличьих, я закрыл уши, а мама сказала:

– Тебе просто лень.

Папа надулся, как индюк, и, схватив ведро, пошел искать песок и елку.

Наконец елка стояла в нашей квартире. Правда, из-за того, что все приличные елки были уже раскуплены, папе досталась маленькая сосенка. Но папа сказал, что это такая порода елок из Голландии.

– Да и вообще, сынок, кто что заметит? Мы ее сейчас завесим игрушками и цветными бумажками – и все будет в порядке.

– А Деда Мороза обманывать нельзя, – заявил я.

– Нельзя, конечно, – опять почесал затылок папа. – Но давай так договоримся: если мама не заметит, то и мы ей ничего говорить не будем. А у мамы глаз о какой, по себе знаю. Она все замечает. Если уж она не заметит, то и Дед Мороз не заметит. Договорились?

Я посмотрел на папу, потом за окно, где уже гудела предпраздничная метель, и решил: «Бог с ним, мужик он все же не плохой, а елки и вправду наверняка все раскуплены».

– Ладно, – милостиво согласился я. – Но спать я лягу только когда захочу – тут же добавил свои условия.

– Договорились, – не раздумывая протянул мне руку папа.

Я хлопнул по ней и стал помогать ему наряжать нашу сосно-елку.

Мама, конечно, ничего не заметила. Она была очень взволнована, даже, пожалуй, сильнее, чем я.

Папа тоже почему-то волновался.

И они оба по очереди втихаря друг от друга выпили по целой рюмке коньяка.

Я тоже нервничал и выпил целый стакан клюшона.

Было уже десять часов вечера, а Мороз все не приходил. Как, впрочем и Снегурочка, Буратино и Карлсон.

Наконец папа, утомившись ожиданием предложил маме выпить за старый год. Мама согласилась.

Мне налили клюшона, а мама с папой выпили шампанского.

Потом мама предложила папе выпить за то, чтобы все плохое осталось в прошлом году. Папа согласился, и, налив мне опять клюшона, они снова выпили шампанского.

Посидев еще немного, папа предложил выпить за все хорошее, что было у них с мамой в уходящем году; Мне опять налили клюшона, а сами выпили уже коньячку. Папа подал маме дольку лимончика закусить коньяк, а мама папе – конфетку. Закусив, мама предложила выпить и за меня.

Я уже сам налил себе клюшона, чокнулся с родителями.

После очередной выпитой рюмки папа, не закусывая, сказал маме, что хочет попросить у нее прощения за все неприятности, которые он причинил ей в уходящей году, и налил себе целый фужер водки.

Мама всплакнула и, сказав, что она его прощает, тоже начала извиняться за что-то.

Папа простил, и они, обнявшись, выпили на брудершафт.

После этого они запели про миллион алых роз, и я им подпевал. Когда мне это дело надоело, я спросил, где же Дед Мороз со Снегурочкой.

А папа спросил у мамы:

– А нужны ли они нам, дорогая?

Мама отрицательно мотнула головой и добавила:

– Нет, не нужны.

– А как же я? – закричал я, опьяненный клюшоном и редкой идилией в нашем семействе.

– А при чем здесь ты? – удивился папа.

– Деточка, – сказала мне мама, Буратино не самое главное в жизни.

«Вы – обманщики!» – хотел сказать своим родителям в лицо, но не успел, дверь позвонила.

– Кто это? – удивились помирившиеся мама и папа.

Слабо понимая, что происходит и какой сегодня праздник, они, может быть, впервые за много лет не ругались, а мирно обнимали друг друга.

Но я-то сразу понял – это Он, мой долгожданный Дед Мороз, со своими подарками. И я, выскочив из-за стола, бросился открывать дверь.

– Кто там? – крикнул я.

За дверью хором несколько голосов ответили:

– Это Дедушка Мороз Красный Нос.

– Дед Мороз, Дед Мороз... – твердил я, отмыкая замки.

В этот момент я, кажется, уже забыл, что совсем недавно не верил в существование настоящих Дедов Морозов. Сердце мое учащенно билось от предвкушения радости.

Наконец дверные замки поддались, и я распахнул дверь.

На пороге два дяди – один, похожий на Карлсона, другой – на Буратино – держали под руки третьего, похожего на Деда Мороза, который громко икал, тыкаясь огромным красным носом в проем двери. За всей этой веселой компанией весело и легко прыгала женщина, похожая на Снегурочку.

– Здравствуй, Дедушка Мороз, – машинально сказал я и почему-то добавил: – Красный Нос.

– Здравствуй, здравствуй, деточка, – ринулась в нашу квартиру, отеснив меня к стенке, вся эта экзотическая толпа.

Снегурочка, пробегая мимо, сунула мне в руки бумажный мешок со словами:

– Держи, деточка, это тебе из Лапландии от Деда Мороза.

Самого Деда Мороза протащили в мою комнату и бросили на кровать.

Снегурочка бросилась поздравлять папу, Буратино – маму, а Карлсон налил себе в фужер водки и залпом выпил.

Я, все еще стоя в прихожей, раскрыл подарочный пакет. Там лежали несколько карамелек, обкусанная шоколадка, два яблока, пачка сигарет, стакан из-под вина и зажигалка.

Я достал одно, приличное на вид, яблоко, обтер его от пакетной пыли и шелухи и, сунув остальное под тумбочку, сел на калошницу. Яблоко я есть не стал: оно было большое, плотное и красивое. Жалко.

А в зале, у елки, после радостных приветствий стремительно развивались события: папа оторвал нос у Буратино, а мама – у Снегурочки привязанные косы. Карлсон, выпив второй фужер водки, упал на елку и уронил ее. Тут все обнаружили, что это не елка, а сосна. Мама обозвала папу обманщиком и пригласила танцевать Буратино. Папа обиделся на маму и увел плачущую Снегурочку в мою комнату. Наверное, привязывать косы.

Очевидно, папа очень шумно привязывал косы Снегурочке, так как Дед Мороз проснулся и, выйдя на свет, громко запел:

В лесу родилась елочка...

Мимоходом он пнул в бок Карлсона, отчего тот очнулся, встал и сразу же налил себе новый фужер водки, но выпить не успел: его остановил Дед Мороз.

– А где же мальчик? – спросил он, увлекшуюся в танце маму.

Мама пожала плечами.

Тогда он вытащил из моей комнаты папу и приказал найти меня, при этом страшно трясся и шмыгая своим большим красным носом.

Папа, держа в каждой руке по оторванной косе, с криком: «Сынок, ты где?» – бросился меня искать. Правда, найти меня, сидящим на калошнице в нашей прихожей, было не так уж и трудно.

– Сынок, – перейдя опять на елейно-спокойный тон, сказал папа, – а к нам Дед Мороз пришел. – И видя, что я смотрю на его руки, радостно воскликнул: – А это косы. Косы Снегурочки. Она тоже пришла с Дедом Морозом поздравить тебя с Новым годом.

– А это Снегурочка принесла в подарок тебе.

И он протянул мне косы, оторванные мамой у Снегурочки.

Я тихо-тихо по стенке обошел папу.

Мама тоже искала меня. Она держала в руках нос Буратино, оторванный папой.

– Малыш, – закричала она, – к нам пришел Дед Мороз, и он принес тебе подарок.

С этими словами она протянула мне оторванный нос Буратино.

«Да, – подумал я, – а как же мое письмо?» Дед Мороз, увидев меня, вдруг громогласно закричал:

– А вот и он, ленинградский почтальон!

Затем захватил меня в свои объятия и стал тыкать своим красным носом мне в лицо.

Карлсон, опять лежащий на полу, слышал наше радостное веселье и попытался подняться, но смог только поскрести ногами по паркету. В итоге он так и остался в том же положении. И состоянии, конечно.

Наконец Дед Мороз выпустил меня из своих объятий и всем объявил, что сейчас мы все будем водить хоровод. Установили елку на место.

Буратино без носа, Снегурочка без кос, мама, папа, Дед Мороз и я встали вокруг елки-сосны. Но почтальона, о котором объявил Дед Мороз, нигде не было. Взрослые запели:

*В лесу родилась елочка,
В лесу она росла...*

Дальше все замолчали, так как слов больше никто не знал.

Кроме меня.

Я же продолжал петь.

Дальше весь хоровод пел я один.

После хоровода все сели за стол, тем более, что до наступления Нового года оставалось пять минут, разлили шампанское, мне – крушона, и стали желать друг другу счастья, здоровья, а заодно и творческих успехов.

Все громко чокались и радостно гоготали.

У Деда Мороза даже отвалился нос, но это мало изменило его внешность: под отвалившимся носом оказался такой же не менее красный нос, да еще вдобавок в крапинку.

Тосты пошли один за другим.

Про меня забыли.

Я понял, что мой праздник, устроенный мне родителями, подошел к концу. Я тихо сполз со стула и ушел к себе в комнату, прихватив по дороге две косы Снегурочки, два носа и один ботинок. Закрыл за собой дверь и, свернувшись калачиком на кровати, заснул.

А засыпая, подумал о своих родителях. Хорошо, что я у них есть. Вон как здорово они веселятся на моем празднике. И Деду Морозу со Снегурочкой весело.

Жаль только Карлсона.

Он все время спал под столом.

А ему тоже, наверное, хотелось повеселиться в эту новогоднюю ночь, как и всем... вам... нам...

Квадрат Малевича

К своим тридцати семи годам в ее сексуальной жизни был один-единственный мужчина. Ее муж.

С которым к тому же Вера «разошлась» полгода назад. Вернее, «разойтись» она не могла, они с ним жили незарегистрированные, так сказать, в гражданском браке: вместе решили, что регистрация в загсе – это немодно.

И вот однажды утром он встал и сказал, что уезжает. Она подумала, что, как всегда, в командировку.

Спросонья и не поняла, куда и зачем, только протянула к нему губы для поцелуя, которые он впервые за десять лет совместной жизни не поцеловал, что и было самым странным в это утро. Но странность эта тогда ее не взволновала, и она, зафиксировав, что дверь захлопнулась, снова уснула.

А муж уехал навсегда в другой город к какой-то девице, о существовании которой она даже и не подозревала, туда, оказывается, он и ездил в командировки.

То, что он уехал насовсем и надолго, она поняла, когда обнаружила, что вместе с его походной сумкой исчез и их большой чемодан из желтой кожи, а также все его вещи. Единственное, что осталось, это его опасная бритва «Зингер». Почему он ее не взял, было непонятно, хотя он ею не брился и она у него была больше как сувенир, доставшийся от деда.

В итоге от мужа у нее осталась бритва, двухкомнатная квартира, в которой они только год назад сделали евроремонт, и старенький «Москвич».

После такого страшного ухода она полгода плакала, ходила к мужу на работу, откуда он, как оказалось, давно уволился, обзванивала знакомых, а когда поняла, что это серьезно, успокоилась. А затем у нее стали появляться новые подруги. В основном эти подруги просили попользоваться ее квартирой, пока она была на работе, а в благодарность иногда приглашали ее посидеть в кафе или сходить в спортивный зал «размять кости».

Ей нравилось ходить с подругами в рестораны и спортивные клубы. Их посещали какие-то особенные люди: красивые, раскрепощенные. «Это потому, что богатые», – объясняли ей подруги. И ей тоже страх как захотелось стать такой же раскрепощенной и богатой.

А как сорокалетней женщине без высокооплачиваемой работы и своего дела стать богатой?

Как говорили подруги, путь был один – завести богатого любовника. И когда у нее после таких разговоров загорались глаза и вдруг начинало постукивать сердечко, подруги быстро останавливали ее волнение: «Тебе уже поздно, всех богатых расхватили молодые».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.